
МИЛА СЕВЕРИНА
Три Предложения Капитана Ларса

Мила Северина

Три предложения капитана Ларса

https://litres.ru/74713302
SelfPub; 2026

Аннотация

Капитан Эйвин Ларс не боится ни морвенов, ни драконьего пламени. Но попросить руки у повитухи из Стылого Брода у него получилось только с третьего раза.

В первый раз у него был жар, и наутро он ничего не помнил. Потом его кольцо вместе с ним ушло под лёд. А в конце ему пришлось перейти разлившуюся горную реку — туда, где Ясна одна, без наставницы и без леди-лекарки, принимает тяжёлые роды при одной свече.

Потому что Ясна говорит «нет». Потому что у неё есть клятва, данная в одиннадцать лет. И потому что старая Марфа знает обычай, о котором капитану забыли сказать.

Тёплая история во вселенной «Лекарки с того света». Можно читать отдельно. Приквел. Служака и повитуха. Юмор. Северный городок. ХЭ.

Содержание

Глава 1. Жар 4
Глава 2. Чего капитан не помнит 15
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Мила Северина
Три предложения капитана Ларса

Глава 1. Жар

Капитан Ларс пришёл на перевязку с ногой горячей, как горшок из печи, и с порога сказал, что здоров.

— Совсем здоров, — повторил он, когда я на него посмотрела. — Почти. Леди велела показываться через день. Я показываюсь.

Он стоял в дверях Кривой бани, долговязый, рыжий, в распахнутом тулупе, опираясь на костыль, который сделал ему Борг. Щёки у него горели. Не от мороза. Мороз на улице был так себе: в такой мороз у нас в Броде бабы бельё на речке полощут и песни поют. А у капитана горели щёки, блестели глаза и на лбу, под рыжими вихрами, стояла испарина.

Я повидала много здоровых мужиков. Здоровые мужики так не блестят.

— Сядьте, — сказала я.

— Я постою.

— Сядьте, капитан, пока не упали. Мне вас потом с полу поднимать, а вы длинный.

Он сел. На лавку у печки, вытянув раненую ногу, как бревно. Ульв, который строгал у окна новую ручку для ухвата, поднял голову, посмотрел на капитана, на меня и снова опустил глаза к ножу. Только ухмылка в бороде осталась.

С тех пор как капитан приехал сюда на санях, через три дня после суда, по ухабам, с перевязанной ногой, и я при всех назвала его дубиной рыжей, Ульв ухмылялся каждый раз, когда Ларс входил в дверь. А Ларс входил часто. Через день. Как леди велела.

Леди, правда, велела показываться ей. Но леди полдня проводила в крепости, а полдня по всему Броду, и капитан каким-то образом всегда попадал сюда, когда её здесь не было.

Я в это не вникала. Мне некогда было вникать.

* * *

В Кривой бане в тот день лежали пятеро.

Дед Онуфрий с кашлем, который не проходил с Ледостава. Две девки из нижнего конца — обварились кипятком у красильщика. Внук аптекаря Сыча с вывихнутым пальцем: палец Ульв уже вправил, но мать боялась забирать мальчишку домой, потому что дома, сказала она, он сразу полезет обратно на крышу. Старуха Гликерия, которая ничем не болела, а просто пришла погреться и рассказать всем, как раньше было лучше. И Агафья, наша сестра, вдова, мать Даши, — та не лежала, а мыла пол, и уже по третьему разу, потому что леди велела мыть, «пока не надоест, а потом ещё раз».

Кривая баня стояла на краю Брода, у самой реки. Раньше в ней мылись всем концом, потом она покосилась, потом в ней жили мыши. А потом пришла леди Хальвард. Выгнала мышей, выбелила стены, велела вымыть всё щёлоком, принести лавки, топчаны, котлы, и теперь здесь пахло не баней и не мышами, а мылом, кипятком и сушёной ромашкой. Чистотой здесь пахло. Я этого запаха раньше не знала. Теперь я его любила, как любят запах хлеба.

Даша, шестилетняя, сидела на печи, свесив ноги, и следила, чтобы никто не трогал её мамину тряпку.

— Даша, — сказала я. — Ты знаешь дом купца Кряжа?

— Знаю. Там медведь на воротах.

— Леди сейчас там, у Гриши. Беги к ней. Скажи: Ясна просит прийти. Капитан тут. И нога у него горячая.

— Как печка?

— Как печка.

Даша слетела с печи, сунула ноги в валенки, схватила платок и вылетела в дверь, не закрыв её. Холод пошёл по полу. Агафья выпрямилась и посмотрела на меня с упрёком.

— Вы же ещё не смотрели, — обиженно сказал Ларс. — Может, там ничего такого.

— Вот я сейчас и посмотрю.

* * *

Там было «такое».

Я размотала полотно, которое ещё позавчера было белым. Оно присохло, и я отмочила его тёплой кипячёной водой,

как учила леди, по краешку, понемногу. Капитан смотрел в потолок и рассказывал Ульву, что в Остенграде у них в школе был наставник, который умел сморкаться так, что лошади приседали. Ульв не слушал. Я тоже не слушала. Я смотрела.

Шов шёл по внутренней стороне бедра, высоко. Леди шила его в южной башне, в ту ночь, когда магистр Хорвен ударил капитана ланцетом и ушёл в метель. Она его шила при факелах, по локти в крови, а Лиси подавала ей зажимы. Об этом в Броде говорили до сих пор, и каждый раз выходило всё страшнее. По последнему рассказу, крови было по колено, а леди шила с закрытыми глазами.

Шов был ровный. Только нижний его конец, там, где леди оставила полоску льна, чтобы стекала сукровица, вздулся. Кожа вокруг блестела, красная, натянутая, как на барабане. Я положила рядом ладонь — не на рану, рядом. Горячо. И под пальцами, когда я чуть нажала, что-то мягко подалось. Подушка с водой под кожей.

Ларс дёрнулся.

— Больно?

— Нет.

— Капитан.

— Чуть-чуть.

— Капитан!

— Очень, — сказал он сквозь зубы. И улыбнулся. — Вы же спросили.

Я убрала руку и накрыла рану чистым полотном. Руки у

меня были спокойные. Это я умею. Марфа меня девять лет учила: что бы ни было, руки держи спокойно, а лицо держи ещё спокойнее. Баба на родах смотрит на лицо повитухи и по нему понимает, умрёт она или нет.

Капитан смотрел на моё лицо. Долго.

— Плохо, да? — спросил он.

— Нарвало, — сказала я. — Леди посмотрит.

— А вы что скажете?

— Я скажу, что вы дубина. Вам велено было лежать две недели. А вы встали на четвёртый день, по ухабам скакали, на суде стояли, в главном зале стояли, на колени собирались вставать. Вот оно и нарвало. Нога у вас не железная.

— Не железная, — согласился он. Чему-то обрадовался. — Ясна. Вы про главный зал откуда знаете? Вас там не было.

— Весь Брод знает, — сказала я. — Вы там орали и костылём стучали так, что в Броде слышно было.

Ульв хмыкнул у окна. Капитан покраснел. Это у него получается удивительно: рыжий, а краснеет весь, до шеи, и веснушки пропадают начисто.

* * *

Леди пришла скоро. Даша вела её за руку, как козу на верёвке, и всю дорогу, видно, рассказывала про печку.

Леди Хальвард вошла, стряхнула снег с плаща и, ещё не сняв его, посмотрела на капитана. Только посмотрела. А он уже начал объяснять, что это ничего, что он сам виноват и что больше не будет.

— Ясна, — сказала она. — Кипяток. Огневицу. Мой сундучок. Полотно из котла.

И мы стали работать.

Я не буду рассказывать, как она это делала. Я и сама потом, когда меня спрашивали, не умела рассказать. Видела всё, а рассказать не могла. Как она вымыла руки, и ещё раз, и плеснула огневицей так, что запахло на всю баню. Как села рядом и что-то сказала капитану, тихое и смешное, и он засмеялся. Как блеснула бритва. Как леди держала её — легко, кончиками пальцев, будто перо. И как всё кончилось раньше, чем капитан успел досмеяться.

Потом она промывала, а я держала таз. Потом она вложила в ранку свёрнутый жгутиком лён и наложила повязку. Её руки двигались быстро и очень просто. Как тесто месят.

Ларс лежал белый, мокрый, и смотрел на меня. Не на леди, а на меня. Я держала таз и делала вид, что не замечаю.

— Всё, — сказала леди. — Капитан, вы остаётесь здесь.

— Миледи, у меня обход…

— У вас жар. К ночи будет больше. Если вы сейчас сядете в сани и поедете в крепость, я вас потом буду шить снова. И мне это надоело. — Она повернулась ко мне. — Ясна. Ночь сможешь?

— Смогу.

— Поить. Тёплое, с мёдом и солью, часто, по глотку. Если повязка промокнет красным — за мной. Если начнёт заговариваться — это жар, не пугайся. Холодную тряпицу на лоб.

Если к утру жар не спадёт — за мной. Если спадёт — тоже за мной, я хочу посмотреть.

— А если он будет вставать?

Леди посмотрела на капитана. Капитан посмотрел в потолок.

— Если будет вставать, — сказала она, — разрешаю его стукнуть.

* * *

К ночи все разошлись.

Деда Онуфрия забрал внук. Старуха Гликерия ушла сама, обиженная, потому что её никто не слушал. Девки с ожогами спали в углу, укрытые одним тулупом. Агафья с Дашей ушли домой, через улицу. Ульв лёг в сенях на лавку, накрылся своим армяком и сразу захрапел. Ульв храпит, как медведь, которому снится, что его обманули.

Я сидела у капитана.

Печь гудела. В котле на краю тихонько булькала вода. На окне стояла плошка с маслом, и огонёк в ней не дрожал, потому что Агафья проконопатила все щели. Я сидела на табурете с кружкой питья и ждала, когда жар подойдёт.

Он подошёл, как и обещала леди. К полуночи.

Сначала капитан просто горел. Лежал с закрытыми глазами, дышал часто, и под моей ладонью лоб у него был такой, что тряпица высыхала, пока я отжимала другую. Я поила его. Он пил, не открывая глаз, послушно, как дитя. Говорил «спасибо». Каждый раз. Даже в жару — спасибо.

Потом он заговорил.

— Мама, — сказал он ясно и деловито. — Причаль левее. Там коряга.

Я замерла с тряпицей.

— Левее, — повторил он. — Ты же видишь. Я фонарь держу.

— Вижу, — сказала я. Марфа говорит, что тем, кто в жару, лучше не перечить. Они там, где они есть. Туда и отвечай. — Причаливаю.

Он успокоился. Помолчал. Потом засмеялся. Весело, в голос, так, что я оглянулась на девок в углу.

— Морвены не умеют плавать, — сообщил он кому-то. — Ты знал? Ни один. Я спрашивал. Они на конях реки переходят. Держатся за гриву. А если коня нет, сидят на берегу и ругаются. По-своему. Я тоже выучил. Хочешь, скажу?

— Не надо, — сказала я.

— Ладно, — согласился он. — Ты же девочка.

Тут уж я засмеялась. Тихо, в рукав.

Так он и говорил полночи. С матерью, с какими-то сёстрами, которым велел не трогать семечки, с генералом, которому докладывал, что всё на стене в порядке, а Олаф опять спит. Я поила его, меняла тряпицу, щупала повязку — сухая. Иногда он затихал и спал, и тогда я сидела и смотрела на его лицо, и мне ничего за это не было, потому что никто не видел.

Лицо у него было смешное. Длинное, нос с горбинкой,

брови рыжие, а ресницы светлые, почти белые. Веснушки даже на веках. Я раньше не знала, что веснушки бывают на веках.

Под утро, когда в окне чуть посерело, он открыл глаза.

Посмотрел на меня. Глаза были странные: мутные от жара и при этом ясные. Так бывает у рожениц на самом краю, когда им уже всё равно, кто что подумает.

Он нашёл мою руку. Ту, что лежала на краю топчана. Взял её за запястье. Горячими пальцами, крепко, но не больно.

— Ясна, — сказал он.

— Тут я. Пить хотите?

— Нет. — Он сглотнул. — Ясна. Выходите за меня.

Я сидела и смотрела на него.

Печь гудела. Ульв в сенях храпел. Одна из девок в углу сказала во сне «мам» и перевернулась на другой бок.

— Это у вас жар, капитан, — сказала я.

Он подумал над этим. Серьёзно, наморщив рыжие брови.

— У меня всегда жар, — сказал он. — Когда вы…

И не договорил. Глаза закрылись. Пальцы на моём запястье разжались. Он задышал ровнее, глубже. Я положила ладонь ему на лоб.

Лоб был влажный. И уже не такой горячий.

* * *

Утром жар спал.

Леди приехала рано, посмотрела повязку, послушала, как он дышит, потрогала лоб и сказала: «Хорошо». Она это «хо-

рошо» говорит так, что сразу хочется сделать ещё лучше.

Капитан сидел на топчане, бледный, лохматый, и ел кашу, которую сварила Агафья. Ел, как неделю не кормленный.

— Как ночь? — спросила леди у меня.

— Горел до утра. Пил. Говорил.

— Много говорил?

— Много, — сказала я. — Про морвенов.

Капитан поднял голову от миски.

— Про морвенов? — Он искренне удивился. — Ничего не помню. Совсем. Помню, что пил. — Он посмотрел на меня. На мои руки. — Помню руки. Холодные. Это вы тряпицу держали?

— Я.

— Спасибо, — сказал он. — За воду.

И улыбнулся. Так, что Агафья отвернулась к котлу, а леди почему-то стала очень внимательно разглядывать свой сундучок.

Я кивнула и пошла выливать таз.

На крыльце было холодно и тихо. Над рекой висел белый пар. На том берегу, в Заречье, дымили трубы, ровно, прямо в небо, как на хорошую погоду. Я вылила таз в снег и постояла.

Значит, не помнит.

Ну и хорошо. Ну и слава светлым силам. Жар — он и есть жар. В жару мужики и не такое говорят. Марфа рассказывала: один кузнец в горячке звал замуж её саму, а ей тогда было за сорок, а ему двадцать, и жена его сидела рядом. Посмея-

лись все, и кузнец посмеялся, когда очнулся.

Да и спрашивать он должен был не меня. Но этого капитан тоже не знал.

А кроме того, у меня была причина. Старая. Своя. О которой не знала даже Марфа. Так я тогда думала.

Я стояла на крыльце с пустым тазом и смотрела, как дымят трубы в Заречье.

Он не помнил. А я помнила. И это было хуже любого жара.

Глава 2. Чего капитан не помнит

Ларс

В санях Ларс пытался вспомнить ночь, и у него не получалось.

Йорген правил, насвистывал, кобыла бежала бодро, сани подкидывало на каждом ухабе, и нога отзывалась на каждый ухаб так, что капитан Северной армии Эйвин Ларс сидел, вцепившись в борт, и думал о чём угодно, только не о ноге. Например, о ночи.

Ночь была. Это он знал точно. Был жар — такой, что потолок Кривой бани плыл и качался, как палуба на Серебрянке в паводок. Была вода с мёдом, солоноватая, тёплая. Были руки. Холодные, лёгкие, быстрые. Они брали тряпицу с его лба, и становилось легче, а потом клали другую, мокрую, и становилось ещё легче.

Был голос. Он сказал: «Причаливаю». Это Ларс помнил, и это было странно, потому что причаливать в Кривой бане было не к чему.

Больше ничего. Дыра. Как будто кто-то вырезал из ночи кусок ножом и унёс.

А утром Ясна принесла ему кашу, отдала миску и посмотрела так, что каша встала у него в горле. Он не понял этого взгляда. Он вообще мало понимал Ясну, если честно. Понимал только, что, когда она ругается, ему хочется, чтобы она

ругалась ещё.

А при прощании на крыльце Ульв хлопнул его по плечу огромной ладонью и спросил:

— Ну, капитан. Хорошая ночка была?

— Не помню, — сказал Ларс. — Жар. А что?

— Да ничего, — сказал Ульв. И ухмыльнулся в бороду так, что борода разошлась на две половины. — Ничего, капитан. Бывай.

Это «ничего» Ларс вёз в санях до самой крепости. Оно было тяжелее ноги.

* * *

Через день он снова приехал на перевязку.

Ясна размотала повязку, промыла, посмотрела, вынула лён, вложила новый, наложила полотно. Всё молча. Быстро, умело, без единого лишнего движения. Её тёмные брови сошлись к переносице, губы были сжаты. Платок с вышитой рябиной сбился на затылок, и из-под него выбилась прядь. Она её не поправляла.

— Как там морвены? — спросил Ларс, чтобы спросить хоть что-нибудь.

— Какие морвены, капитан?

— Вы сказали, я про них ночью говорил.

— Говорили, капитан.

— А что говорил?

— Что они не умеют плавать, капитан.

— Это правда, — оживился он. — Они на конях…

— Я знаю, капитан. Вы рассказывали. Ногу не дёргайте.

Он не дёргал. Он сидел и считал, сколько раз она сказала «капитан». Вышло четыре — за одну перевязку. До той ночи она называла его «дубина», «козёл» и один раз «пень горелый», и он за неделю привык к этому, как к старому мундиру. А теперь — «капитан». Четыре раза. Вежливо. Как чужому.

Он чем-то её обидел. В ту ночь. В жару.

Только чем?

* * *

Через шесть дней после Зерцала прилетели драконы Совета — белый и бронзовый. Ларс стоял у крыльца и видел, как старый лорд Сигвальд обнял генерала, как сына, и поклонился леди, как королеве. А леди, растерянная, в рабочем переднике, предложила ему сбитня.

Ларс думал, что за десять лет при Рейнаре никогда не видел генерала таким. Генерал смотрел на свою жену так, будто кругом не было ни крепости, ни Совета Крыльев, ни Ларса.

Ларсу вдруг стало завидно. Не зло. Тепло и грустно, как бывает, когда видишь в чужом окне свет, а сам стоишь на дороге.

* * *

Хорвена увезли на следующее утро.

Его вынесли из нижней башни на носилках. Ларс стоял у стены, опираясь на костыль, и смотрел. Он думал, что будет ненавидеть. Он лежал в южной башне с ремнём на бедре

и ножкой от табурета под ремнём и обещал себе, что будет ненавидеть этого человека до конца жизни.

А увидел худого старика с нечёсаными седыми волосами, без двух пальцев на ноге, который смотрел на небо, как будто видел его в первый раз.

Перед тем как его подняли, Хорвен попросил позвать леди.

Ларс не подошёл. Но двор был тихий, а голос у Хорвена был всё тот же, бархатный, и каждое слово долетало до стены.

— Шёлк, — сказал Хорвен. — Когда вы перевязывали сосуд капитану. Вы завязывали узел странно. Не так, как вяжут у нас. Двойной петлёй, потом одинарной. Зачем?

— Чтобы не развязался, — сказала леди. — Шёлк скользкий. Простой узел ползёт. А этот держит.

Ларс опустил глаза на свою ногу.

Там, внутри, под швом, под полотном, под штаниной, был этот узел. Двойной петлёй, потом одинарной. Он держал. Поэтому Ларс стоял сейчас здесь, у стены, и смотрел, как бронзовый дракон берёт носилки в когти.

Хорвен, поднимаясь, на миг встретился с ним взглядом.

— Капитан, — сказал он. Без насмешки. Почти с уважением. — Вам повезло.

— Нет, — сказал Ларс. — Мне лекарка досталась хорошая.

Хорвен, кажется, хотел что-то ответить. Но бронзовый

дракон уже поднялся, и ответ унесло ветром.

* * *

Вечером Ларс нашёл генерала на северной стене.

Рейнар стоял у зубца, в одной рубахе на морозе, и смотрел вниз, на Брод. Ему не бывает холодно. Ларс встал рядом, в тулупе, и сразу замёрз.

Внизу, в Броде, зажигались окна. Одно за другим. Над Кривой баней из трубы шёл дым.

— Милорд, — сказал Ларс. — Можно вопрос?

— Можно.

— Как ухаживают?

Рейнар медленно повернул голову.

— Что?

— Ухаживают. За девушкой. — Ларс почувствовал, что краснеет, и разозлился на себя: на морозе краснеть было особенно глупо. — Как это делают. Правильно. Вы же… У вас же получилось.

Рейнар смотрел на него долго.

— Ларс, — сказал он наконец. — Меня женили указом. Я её увидел в храме. Потом улетел на войну. Потом она меня разрезала, вынула из меня стекло, накричала на меня при всём Броде, и я пропал. — Он помолчал. — Тебе так не советую. Тебя уже резали.

— Это я заметил.

— Спроси кого-нибудь, кого не женили.

— Кого?

— Не знаю. — Уголок рта у генерала дрогнул. — Тильду.

* * *

Тильду он спросить не успел. За три дня до Солнцеворота Гуннар привёз брата леди и малыша в огромном тулупе — сына Норы. И Ларс видел, как Тильда сидела потом на ступеньке кухонного крыльца, огромная, в овчине, и качала малыша, как младенца, и пела что-то без слов.

Вечером, когда малыш уже спал на Тильдиной лежанке, Ларс зашёл на кухню. Вроде как за сбитнем.

Тильда стояла у печи. Глаза у неё были красные.

— Чего тебе, капитан?

— Сбитня.

— Врёшь, — сказала Тильда. — Сбитень тебе Йорген носит. Садись. Говори.

Ларс сел. И не знал, что говорить. Тильда налила ему сбитня, поставила перед ним, подвинула пирог. Подождала.

— Как ухаживают? — спросил он.

Тильда посмотрела на него, как на телёнка, который спросил, как доят.

— За кем?

Он не ответил. Не смог. Тильда хмыкнула.

— Ладно, — сказала она. — Весь двор знает, за кем. Один ты думаешь, что тайна. — Она вытерла руки о передник. — У девки родня есть?

— Нет. Отец помер, мать померла. Она у Марфы росла.

— Ну, — сказала Тильда. — Значит, Марфа ей и мать, и

отец. К Марфе и иди.

— Зачем?

— Затем, капитан. Затем, что так положено. Ты что, сам из лесу? Девка — не курица на торгу, её не хватают. Сперва к родне. Поклонись. Скажи, кто ты, да что у тебя есть, да чего хочешь. Может, позволят. — Она помолчала. — Да не с пустыми руками иди.

— А с чем?

— С пирогом, — сказала Тильда. — Пирог я тебе дам. С брусникой. Марфа брусничный любит.

* * *

Ясна

Капитан явился на перевязку за два дня до Солнцеворота.

Без костыля. Это я увидела сразу, как он вошёл. Нога у него ещё не гнулась толком, он её берёг, ставил осторожно, но шёл сам. И был выбрит, причёсан и весел до неприличия.

Я в тот день ставила банки деду Онуфрию. Агафья вытирала руки, глядя на капитана.

— Я сменю, Ясна, — сказала она. — Ты занята.

Я хотела сказать «смени». Очень хотела. Я уже открыла рот.

— Я сама, — сказала я.

Агафья посмотрела на меня. Ничего не сказала. Только губы у неё сделались такие, как у Марфы, когда та знает больше, чем говорит. И отошла.

Я досадовала на себя всё время, пока мыла руки. И потом,

пока разматывала полотно. Сама. Зачем сама? Агафья умеет не хуже. Агафья после трясовицы ходила за больными так, что леди её хвалила при всех. А я — сама.

Под повязкой было хорошо. Краснота ушла. Ранка стянулась, лён можно было уже не класть. Леди так и велела: как стянется, лён вон.

— Хорошо, — сказала я. Как леди. Только у меня не получилось так, чтобы сразу хотелось сделать ещё лучше.

— Это вы так лечите, — сказал капитан.

— Это леди так лечит. Я только меняю.

— Вы хорошо меняете.

Я не ответила. Я накладывала полотно. Тонко, ровно, туго, но не так, чтобы пережать. Руки делали всё сами. А я смотрела на них и видела, что они дрожат.

Мои руки. Которые девять лет не дрожали ни на одних родах. Ни когда у Агафьиной соседки шло ножками. Ни когда у кожевниковой жены хлынуло после, и Марфа велела держать, и я держала, а у самой в глазах темнело. Не дрожали.

А тут дрожали. Над перевязкой, над которой и дрожать-то было нечего.

Капитан тоже это увидел. Я поняла по тому, как он замолчал.

— Ясна, — сказал он тихо. — У вас руки дрожат.

— Холодно, — сказала я.

— Тут жарко. Печь натоплена.

— Мне холодно, капитан.

Он помолчал.

— Я вас чем-то обидел, — сказал он. Не спросил. Сказал. — Тогда. Ночью. В жару.

Я затянула узел. Отрезала нитку. Выпрямилась.

— Вы ничем меня не обидели, капитан. Вы спали.

— Ульв говорит…

— Ульв храпел в сенях, как медведь. Ульв ничего не слышал.

— Значит, было что слышать, — сказал капитан.

Я взяла таз с грязной водой и пошла к двери. Он поднялся с лавки. Натянул штанину, надел тулуп, взял шапку. У двери догнал меня. Остановился рядом.

Он очень высокий. Я ему едва до плеча.

— Ясна, — сказал он. — Я завтра к Марфе пойду. По делу.

Таз выскользнул у меня из рук.

Грохнулся об пол. Грязная вода плеснула по чистым доскам, которые Агафья мыла три раза, — по его сапогам, по моему подолу, по порогу. Дед Онуфрий на лавке охнул. Агафья у котла уронила полотенце.

Я стояла и смотрела на лужу.

— К Марфе, — сказала я.

— К Марфе, — повторил капитан. Очень серьёзно. И почему-то очень довольно. — Раз у вас руки дрожат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.